

Бойцова Анастасия Анзоровна родилась в 1970 году в Орле. Автор трёх поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Аргмак», «Новый Енисейский литератор», «Подъём», «Российский литератор». Участник Всероссийского семинара молодых литераторов в г. Гусь-Хрустальный. В 2016 году удостоена звания лауреата всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Орле.

ВЕНОК СОНЕТОВ НА СТАТУЮ АМАЗОНКИ

Ключ

Ни звука. Так вонзается стрела.
В багряной пене пепельные губы,
Взывают мышцы к тяжести чугунной,
В которой ты бессмертье обрела.

Так не ласкал таврический прибор,
И ни огонь, ни зов победы властный
Не обладал такой влекущей лаской...
Ни звука. Так вонзается любовь.

Воительница! Пламя! Пуст колчан,
Всё кончено. И вот орлиный коготь
Уже незримо тянется к плечам.

Но юности неистойвой и строгой
Прекрасен бунт. И кажется — сейчас
Ты всё же разомкнёшь объятья бога.

1

Ни звука. Так вонзается стрела.
Ни звука. «Не буди меня, прохожий!»
Под этой солнцем напоённой кожей
Таится зарождение крыла.

У губ, как у разверстого жерла,
Ржавеет звук — не вынутый из ножен
Кинжал. И мы понять уже не можем,
Какую песнь струна оборвала.

Но вот я здесь. Не размыкай уста.
Заломленные брови распрями.
Во мне всё та же кровь, и не солгу я,

Когда скажу, перед судом представ,
Что выдохнули в свой последний миг
В багряной пене пепельные губы!

2

В багряной пене пепельные губы,
Всю краску губ — за яростный удар!
За что? За эту землю, где в садах —
Колодцы без колодезного сруба?

Во имя чьё твой неотпитый кубок
Расплёскан? Как зовут тебя, вражда?
А твой убийца? Кем он был тогда?
Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

Но ты, уйдя в бессмертье, как вода
Уходит в землю, ты, в далёком гуле —
Уже нетленном — озирая даль,

Ты помнишь о забытом всеми гунне.
«Помедли! Я могу ещё воздать!»—
Взывают мышцы к тяжести чугунной.

3

Взывают мышцы к тяжести чугунной,
В которой — иступление и свет.
Ты вся объята пламенем. Вослед
Тебе — пылают горы, степь, лагуны.

Земля черна под огненным разгулом —
И снова день. Дорога. Крестоцвет.
Скажи, с какими снами ты в родстве?
Что означает этот бред сугубый?

Но стадионы в бешенстве агоний,
Но замки, но мосты, где удила́
Закусывают бешеные кони,

Но города, сожжённые дотла —
Всё это продолжение погони,
В которой ты бессмертье обрела.

4

В которой ты бессмертье обрела
Легенде? И в столетии котором?
К чему искать в бушующих просторах,
Когда твоё убежище — скала.

Ты мрамор. Ты мучительно бела.
Но твой ваятель, твой безвестный сторож
Остановил мгновение восторга,
В котором зарождаются тела,

Которым живы — прежде, чем остыть.
В котором, времена пересекая,
Он сам однажды встретился с тобой.

Какая мощь вела его персты
В часы, когда рука касалась камня!
Так не ласкал таврический прибор.

5

Так не ласкал таврический прибор,
Не обжигала солнечная лава,
Так ни одно безумство не пылало
В тебе, пьяня, как опьянила боль.

Он приближался, призванный судьбой,
Как эхо с грозового перевала,
Невидимый, как солнце в круге алом,
Как море за поверхностью рябой.

Но ты, ничьей руки не признавая,
Ты приняла его последний вызов,
Не слушая божественного гласа.

Тебя, неукротимая, живая,
Не убедила кровь, рекою брызнув,
И ни огонь, ни зов победы властный.

6

И ни огонь, ни зов победы властный
Сюда не достигают. Пелена
Скользит, скользит... И снова взметена,
Как небо под усилием Атласа.

Напрасно под венчальное «Галасса!»
Скользят вокруг столетья, племена,
И свадебные россыпи зерна,
И в храмах — запах жертвенного мяса.

И снова набежавшая волна,
Играя, как трепещущая лапа,
Разглаживает всё. Пора и нам.

А ты нетленна. В мраморе скуластом
Уснула вечность. Ни один финал
Не обладал такой влекущей лаской.

7

Не обладал такой влекущей лаской
Ничей влюбленный голос, ни рука
Ничья — чтобы сменили облака
Свой цвет на дни далёкого Пеласга.

Как донести блуждающие краски
Мгновения — до смутного зрачка
Грядущего? Как удержать их? Как
На миг развеять этот пепел адский?

Как вырваться, проникнуть,
как прокрасться
В то «далеко», где в море, за излучкой,
Твой голос разносился, как гобой?

Ты — только миг. И этот миг прекрасен.
Всё замирает. Более ни звука.
Ни звука — так вонзается любовь.

8

Ни звука. Так вонзается любовь.
Вот так: ошеломительно и чисто,
Ударом тока около ключицы —
Изогнутой, жасминно-голубой.

И это всё. Цветение хлебов,
Степь, море, горизонт — всё это мчится,
Вращается — и гаснет под лучистой
Копной волос и отроческим лбом.

Ещё, сжимаясь, юная ладонь
Воображает меч, но бой окончен.
Ты на пороге нового «сейчас».

Передохни, охваченная льдом.
Спи, гордый лоб. Усни, усталый кормчий.
Воительница! Пламя! Пуст колчан.

9

Воительница! Пламя! Пуст колчан.
Где степь твоя? Где сёстры? Где подруги?
Где бешеный скакун? Где шаг упругий,
Что меж других тебя изобличал?

Какому сну мешали по ночам
Твоих бровей трепещущие дуги?
Ответа нет. На одиноком струге
Ты покидаешь мысленный причал.

Лишь эхом отдаётся в пустоте:
«Я поняла, как странны мысли Тех,
Порой безумно жаждущих людского,

Влюблённых в удаль, в песню, в наготу,
Но жалости не знающих и тут.
Всё кончено. И вот — орлиный коготь!».

10

Всё кончено. И вот — орлиный коготь,
Посланец и знамение высот
Немыслимых. Не отвращай лицо
От этой синевы многооконной!

Рекущее становится рекомым,
Проклятие смыкается в кольцо
С благословением. Родник иссох
И вырублены рощи Геликона.

Не оттого ль, безмолвие, скажи мне,
Так яростны, едва ль не одержимы
На этом рубеже земных начал

Движенье рук, дыханье, трепет жилы?
И замер тот, кто, чувствуя поживу,
Уже незримо тянется к плечам...

11

Уже незримо тянется к плечам
 Рука... А может быть, они безруки?
 И нет струны? И льющиеся звуки
 Не знают даже нотного ключа?

Нет формы, нет! — и некая печаль
 Сжимает сердце, полное разлуки,
 И нам не перебраться через муки,
 Которых нам уже не облегчат.

И мнится твой отчаянный порыв
 Спасением — так, в сущности, немного
 Нам надо к продолжению игры.

Мы жаждем как последнего итога
 Не хаоса, пожравшего миры,
 Но юности неистойвой и строгой.

12

Но юности неистойвой и строгой,
 Но стонущего горла, но руки
 Закинутой — заклетьям никаким
 Не повторить. Оставь её. Не трогай.

Ни эха на охотничьих отрогах,
 Ни оттиска сандалий, ни строки —
 Лишь только грудь, забвенью вопреки,
 Хранит напев серебряного рога.

И кажется — раскатисто и гордо
 Всё тот же звук захватывает горло,
 Ликуя, рассыпаясь, хохоча,

И время расступается смятенно,
 И каждой жилкой мраморного тела
 Прекрасен бунт. И кажется — сейчас...

13

Прекрасен бунт. И кажется — сейчас,
 На месте, не когда-либо, не где-то,
 Вопрос, не разумеющий ответа,
 Ты разрешишь движением плеча.

И белизну загробного плаща
 Отбросишь. И закружатся планеты
 По-новому. И не придут поэты
 Задумчивые вирши посвящать.

Спалив свое бессмертие дотла,
 Вернёшься вновь — такой же, как была,
 Неустрашимой, стройной, легконогой

Девчонкой пронесёшься по росе...
 И, снова покидая берег сей,
 Ты всё же разомкнёшь объятья бога.

14

Ты всё же разомкнёшь объятья бога.
 Как два борца, взрывающие дёрн,
 Равны — и ни один не побеждён,
 Равны — и разойтись уже не могут,

Равны — и всё же смутная тревога
 Закралась, и тревогой зарождён
 Твой образ. Как зарница под дождём!
 Как радужная рыба под остро́гой!

Как... иногда, пересекая зал,
 Вдруг замереть — случайно, почему-то —
 И — солнечным ударом из угла

В уже замороженные глаза —
 Твой профиль. Как назвать тебя, минута?
 Ни звука. Так вонзается стрела.